

Глава 3

ОХОТНИКИ ЗА ГОЛОВАМИ (НАГА И ИХ СОСЕДИ)

Из Южной Индии мы перенесемся на другую оконечность субконтинента. Это удивительный мир гор Северо-Восточной Индии, который долгие годы был закрыт для посторонних глаз и представил изумленным исследователям совершенно уникальную картину. Это царство еще нетронутых джунглей, где до сих пор можно встретить потомков знаменитого киплингковского Шерхана, которых еще не отделяет от человеческого сообщества ощутимая грань. Тигры считаются предками многих членов племен, целых родов, кланов. Среди членов племен популярны легенды об оборотнях — людях, превращающихся в тигров, и тиграх, принимающих человеческий облик, это место обитания многих десятков народов, насчитывающих великое множество подгрупп со своими специфическими чертами неповторимой культуры, имеющих некое культурное, духовное, ментальное единство, которое проявляется в их богатом фольклоре, в не всегда сформировавшихся, но свидетельствующих о постоянном духовном поиске размышлениях о душе и мироздании, в удивительной яркости и знаковости созданного ими материального мира. Воин-нага в костюме охотника за головами, красочный, величественный, с пышной диадемой из перьев птицы-носорога или в тесном шлеме, украшенном медвежьим мехом и парой рогов — *митханов*, в перевязи, вышитой бисером, стал символом региона (даже после того, как охота за головами отошла в прошлое). Все эти народы составляют особую группу среди индийских племен еще и потому, что генетически они отличны от других. Это монголоиды по расовой принадлежности, входящие в подгруппу сино-тибетской языковой семьи тибето-бирманской группы, предки которых появились в Северо-Восточной Индии не ранее I тыс. до н.э. Будучи пограничным районом, Северо-Восточная Индия

на протяжении многих веков принимала потоки мигрантов, которые искали пути к плодородным равнинам великих индийских рек. Если в результате взаимодействия и слияния этих потоков на равнине в конечном счете синтезировались крупные более или менее однородные этнические общности, то в горах, куда оказывались оттесненными осколки многих этносов, последние сохранили и даже развили в условиях длительной экологической изоляции свою «особость». И горный Ассам (первоначально именно эта провинция Британской Индии, а затем штат независимой Республики Индия административно включал весь район Северо-Восточной Индии) вместе с соседними горными областями Бирмы и Индокитая образует один из узлов, в котором переплетается множество вариантов разных этносов, языков, культур.

Этническая история нага, как и в целом тибето-бирманских народов региона, представляет собой крайне сложную картину, поскольку большинство племенных групп пришли на занимаемую ими территорию особым путем, не одновременно, в них по-разному прослеживаются древние этнокультурные связи и параллели. Все ведущие исследователи подчеркивают синтетичный характер культуры нага (одна из работ английского исследователя Хаттона так и называется «Смешанная культура нага»). И хотя большинство народов региона (кроме монкхмеров кхаси) принадлежат к языковой сино-тибетской семье, у них отмечены многие элементы, свойственные аустроазиатам и австронезийцам, предки которых, по всей видимости, тоже принимали участие в формировании этнических общностей нага и их соседей.

Сейчас большая часть основных племен нага христианизирована, но они по-прежнему живут в окружении джунглей, населенных духами, которых надо умиловать, их традиционный жизненный цикл сильно ритуализирован, они по-прежнему молятся, танцуют, приносят жертвы для усиления плодородия полей, они сроднились с древним представлением о силе земли, неба, воды, ветра, звезд. И в то же время их молодежь стремительно постигает знания и, покидая пределы родных гор, страстно стремится войти в современный мир, причем не в индусский мир, а шире — почувствовать себя гражданами мира и даже претендует на роль проводников западных ценностей в Индии.

Сколько же племен нага в Индии? Мы подчеркиваем — в Индии, так как их сородичи проживают и на сопредельных территориях горной Бирмы (Мьянма). Это, кстати, создавало немалые трудности для молодой Республики Индии, поскольку воинственные нага в сложный период после ухода англичан добивались создания у восточных границ Индии независимого государства всех нага, которое было бы вечной угрозой для

безопасности их великого индийского соседа. Разбросанные на большой территории, разделенные природными барьерами и отношениями многолетней вражды, сами нага зачастую плохо представляли себе, какие еще племена, кроме их собственного и ближайших соседей, входят в состав этнической общности нага. Правда, с развитием их самосознания, которое начало активно проявляться с начала XX в., нага в большей степени осознают важность сплочения нагского этноса, что выражается одновременно и в противопоставлении этого этноса индуистской Индии. Но теперь определение этнического состава группы сталкивается с новыми трудностями — ведь живой организм нагского сообщества постоянно развивается, в нем происходят перемены, определяемые целым комплексом конкретных причин. С одной стороны, отдельные подгруппы племени заявляют о себе как о самостоятельных племенных единицах, с другой — в состав нагского этноса вливаются некоторые горные соседи, которые еще недавно не считались нага, например *куки*. Таким образом, общее число нагских племен может быть названо лишь приблизительно, с учетом происходящих изменений. Принято говорить о 15 племенах нага, основной территорией которых является штат Нагаленд. Но в малых количествах нага проживают также на территории соседних Аруначала-прадеш и Манипура. Общая их численность превышает 1 миллион.

Крупнейшим из народов южного Нагаленда являются *ангами*, наиболее сплоченные и политически активные из всех нага. «Из всех племен, на которые подразделяется группа нага, самыми сильными и воинственными, но в то же время самыми предприимчивыми, умными и, если можно так выразиться, самыми цивилизованными являются “буйные ангами”», — писал о них один из первых исследователей региона Батлер. На севере к ангами примыкают близкие к ним *ренгма*, дальше на северо-восток и на восток простирается территория крупного племени *сема*, лингвистически близкого к ангами, но имеющего заметные антропологические отличия. Дальше к северу живут *лхота нага*, еще севернее — *ао*, сохраняющие черты специфической древней организации. Ангами, ренгма, лхота, сема входят в западную группу нага, ао вместе с рядом более мелких племен (сангтам, тангкуль и др.) образуют центральную группу, имеющую свою специфику. Иногда с центральной группой объединяют восточную, в которую входят наиболее труднодоступные территории северо-востока («неадминистрируемые» при англичанах). Основной народ восточной группы — *коньяк нага*, один из самых многочисленных. Только в последние десятилетия исследователи смогли познакомиться с этой самой удаленной группой, и она сразу стала объектом общего интереса ввиду исключительного культурного

своеобразия. Иногда их вместе с *кальо-кенгью* (тоже восточная группа) называют «голые нага» — именно такими предстали эти народы при встрече с европейцами.

Между народами отмеченных групп существуют заметные различия в культуре, свидетельствующие о специфике путей их этногенеза. Так, западные нага не знают обычая татуировки, который широко распространен у восточных и центральных нага, западные группы хоронят своих умерших, другие же, при местных вариациях в обряде, помещают мертвые тела на специальные бамбуковые помосты («*мачаны*»); среди западных нага распространен обычай воздвигать памятные каменные монолиты при совершении особых церемоний, обычай, неизвестный их восточным соплеменникам, и т.д.

Немалые колебания наблюдаются и в антропологической характеристике нага: преобладающими являются южномонголоидные черты, в то же время вариации в форме волос (от прямых до волнистых и курчавых), росте, цвете кожи и глаз бывают весьма значительными. Этноним «нага» не имеет признанной этимологии: его производят от разных понятий — «гора», «змея», «голый». Каждый народ, даже малая подгруппа нага, обычно имеет свое самоназвание.

И все же при всем отмеченном разнообразии языка, расы и ряда других черт о нага можно говорить как о единой этнокультурной группе. Как отмечает автор многих ставших классическими работ по нага Д. Хаттон, в общую основу культуры нага входят такие черты, как технология земледельческого хозяйства, особенности одежды и строительной техники; родовая структура с отчетливыми следами дуальной организации; представления о происхождении родов от двух братьев; ярко выраженная патрилинейность; распространенность брака с дочерью брата матери (кросскузенный брак); существование мужских домов; широко развитая обрядность, ритуализация поведения и ряд других общих признаков. В то же время отдельные племена имеют свою яркую специфику, которую мы и постараемся описать.

Наша задача — рассказать о традиционном обществе нага, общие сведения о котором содержат надежные материалы XX в., в том числе ряд фундаментальных монографий, на которые до сих пор ссылаются все исследователи. Если говорить об их социуме в целом, то нага следует отнести к доклассовому (в отдельных случаях раннеклассовому) обществу. Форсирование развития под воздействием внешних факторов: таких, как установление постоянных обменных отношений

с соседними народами, распространение на их территории многочисленных государственных программ развития, вовлечение их или части молодого поколения в пресловутый мейнстрим — генеральный путь развития страны — конечно, все эти обстоятельства не могли не сказаться на мире нага. В этом быстро меняющемся обществе у нага, как и у других племен, пожалуй даже с большей интенсивностью, происходят процессы модернизации, ослабления родо-племенных и других традиционных связей (ослабления, но пока не исчезновения). Конечно, при этом немаловажную роль играет местопребывание группы — в развивающихся (хотя пока не слишком больших) городах и по соседству с ними быстрее исчезают старые порядки, но в более отдаленных деревнях еще живы многие древние обычаи, ритуалы, даже целые социальные структуры

У большинства нага стабилизирующим коллективом является община, члены которой связаны управлением, правами и обязанностями. Каждая община в качестве верховной автономной политической организации ведает такими вопросами, как пограничные споры, охрана леса, основы хозяйственной деятельности горцев, контроль за землей. Каждый общинник имеет право на свободное пользование лесными участками, принадлежащими общине. Для большинства нага характерен крайний демократизм управления, выражающийся в слабом развитии личной власти. Хотя имеются и исключения — у сема или коньяка нага, о чем речь пойдет ниже. Особенность социальной организации общины нага (как и большинства их соседей) заключается в том, что она покоится на взаимно пересекающихся групповых связях. То есть отдельные лица и семьи не являются самостоятельными ячейками, из которых состоит община, но оказываются интегрированными в нее в качестве членов различных групп — патрилиний, родов, возрастных классов, мужских домов (*морунгов*) и пр. Соотношение всех этих связей может быть достаточно сложным — в морунгах могут присутствовать члены различных родов, в функционировании отдельных групп иногда возникает напряженность и т.д. Древнейшими, первичными из этих коллективов, наложившими отпечаток на всю социальную структуру, следует считать род и его подразделения.

Родовая организация является органической частью общества всех нага и, при всем разнообразии локальных вариантов культуры, имеет сходную основную структуру. Эту основу составляют два изначальных патрилинейных рода, родоначальниками которых считаются два брата — старший и младший, отсюда у некоторых групп сохраняется пред-

ставление о старшинстве и меньшинстве, иногда перерастающее в признание привилегированности старшего рода. Легенды крупных народов нага с удивительным единодушием рассказывают о дроблении старшей половины на две части и появлении, таким образом, трех родов. Подобное сочетание дуальных половин и восходящих к ним трех изначальных родов составляет своеобразие нага в целом. Со временем происходит процесс выделения более мелких родов и патрилиний, которые продолжают многократно увеличиваться, так что насчитывают до десятка и более тысяч человек. Именно к этим, назовем их основными, родам переходит экзогамная функция. Эти столь большие по численности, к тому же рассредоточенные по племенной территории группы не могут быть организованным коллективом и в основном сохраняют функции категории имени и экзогамной единицы.

В то же время у всех нага всегда подчеркивается значительная роль рода в их реальной социальной жизни. О каких родах идет речь? Такой действующей ячейкой родовой структуры, выступающей как активная социальная единица, в условиях дисперсности основного рода оказывается его локализованная в конкретной деревне часть. Именно эта часть действительно представляет собой сплоченную группу сородичей, которая может принимать общие решения и противопоставлять себя локализованным частям других родов. В данной работе эту компактную группу кровных родственников мы обозначим английским словом *линидж* (этот термин в научной литературе используется по-разному, например для определения не генеалогической, а семейно-родственной группы). Реально линидж всегда существует в виде некой резидентной группы, поскольку включает жен, принадлежащих в силу закона экзогамии другому роду, и, таким образом, состоит из семей, родовым ядром которой является линидж. В каждой деревенской общине нага имеется несколько (5–8) таких групп, отношения между которыми бывают не всегда мирными. Так, у ангами существует множество легенд о внутриверенских битвах. У коньяков под родом понимается «пирамида домов» — все малые дома, олицетворяющие младшие родовые ветви, ведут свое происхождение от старших, которые и представляют род. Их связывает общая ответственность — за долги, штрафы, обязательства своих членов. Эта корпоративность и возрастные градации проявляются на праздничных церемониях, во время которых младшие дома подносят пищу родительским, а те, в свою очередь, приносят дары в старшую семью рода.

Учитывая отмеченные особенности социальной системы нага, можно понять, что семейные коллективы несвободны в общей систе-

ме родовых и общинных структур, что они многими нитями связаны с местными родовыми группами, хотя и происходит постоянный процесс автономизации семей, который, правда, различен в разных сферах жизни нага. Наиболее самостоятельна семья в хозяйственной сфере. Даже при подсечно-огневом способе земледелия, который требует объединения усилий целой общины, каждая семья является полным распорядителем своего участка и его плодов. С переходом к постоянным формам земледелия, когда поле становится семейным владением, хозяйственная независимость семейного коллектива значительно укрепляется. В социальной сфере семья не обладает такой самостоятельностью. Все жизненные события — и обряды жизненного цикла, и ритуалы, и праздники, и различного рода конфликтные ситуации, и просто соблюдение норм обычного права (наследование семейного имущества, заключение брачного контракта, адопция и другие акции) — происходят при самом непосредственном участии сородичей. Важным звеном, связывающим семью с общиной, является мужской дом — *морунг*, как его называют нага, удивительное учреждение первобытного общества, которое заслуживает специального внимания (рис. 3).

Что собой представляет морунг? Прежде всего это самое крупное строение, которое сразу бросается в глаза среди других деревенских домов. Столбы, поддерживающие спереди массивную крышу, украшены затейливой резьбой — изображениями птицы-носорога, священной птицы горных народов, чей роскошный хвост является обычным украшением парадных костюмов воинов, головами тигров, которых соединяет с человеком некая мистическая связь, быков-митханов, наиболее ценимых жертвенных животных, человеческих голов — знаком знаменитой охоты за головами. У всех народов, где он зафиксирован, мужской дом — это место воспитания молодого поколения, куда поступают все мальчики общины или ее квартала (*кхеля*) по достижении определенного возраста (7–10 лет у разных групп) и остаются его членами до вступления в брак. Юноши не отрываются от семьи, часть времени работают на семейном поле, но также трудятся и на общей земле морунга и проводят в нем все вечера и ночи. Нередко члены дома, даже вступив в брак и заведя собственную семью, поддерживают связь со своим морунгом и даже идентифицируют себя по нему. Морунг — это настоящая школа для молодежи, школа труда, коллективизма, дисциплины, военного искусства. Весь жизненный уклад дома построен на строгом подчинении младших старшим, у каждой возрастной категории есть свои обязанности, у более старших — и права. Дисциплинарные функции относятся к числу важнейших, при этом родители не властны вмешиваться в распоряжения глав дома или отрывать своих детей от обязанностей морунга. Приобщение к совместному труду вырабатывает привычку к постоянной взаимопомощи и планированию хозяйственной деятельности. Немалую роль играет морунг и в организации и упорядочении сексуальной жизни подрастающего поколения. Хотя мужской дом — прежде всего это мужское сообщество, но в ряде общин имеются (или имелись в прошлом) и дома девушек, правда, организованные менее строго. Для большинства нага характерна свобода добрачных половых отношений. Вместе с тем, как правило, вход в мужской дом был запрещен для девушек и женщин — их встречи с юношами происходили вне его стен. Обычно морунг связан с определенным домом девушек, где юноши находят себе подруг, а позднее — и жен. Вот как описывает роль морунга ведущий исследователь этого института в Индии Верье Элвин: «Система морунга регулирует отношения каждого мужчины и каждой женщины с другими членами общины, она является базой для многочисленных взаимных обязательств отдельных лиц и групп. Она укрепляет чувство социального единства, способствуя развитию у юношей духа сотрудничества, и в то же время

вызывает дух соревнования между морунгами, что стимулирует активность всей деревни».

Но социальная значимость мужского дома значительно шире, чем просто важность места ночлега и воспитания мальчиков. Неслучайно Д. Хаттон говорил о нем как о «реальной основе политического устройства в горах нага». Морунг для нага — это оплот всего общественного бытия, своего рода цитадель общинного демократизма, символ коллективизма и единства общины или рода. Посредством него происходит передача родовых и племенных ценностей из поколения в поколение — молодые люди узнают о традициях и легендах своего народа из рассказов стариков, на личном опыте знакомятся со всей системой отношений, которая почти без изменений существовала на протяжении многих веков. Мужской дом, будучи плоть от плоти общинно-родового строя, исчезает по мере разложения последнего, так что теперь этот институт для некоторых народов стал анахронизмом, хотя многие его обычаи и традиции продолжают сохраняться в знаковости и символике нага.

Есть народы, у которых морунг выступает в роли общинного подразделения — тогда вокруг него группируются все члены соответствующего кхеля. Таковы морунги у коньяк нага, практически составляющие остов их социальной системы. Это обстоятельство обычно рассматривается как свидетельство архаичности института мужского дома, поскольку культура коньяков почитается древнейшей среди нага. Жители деревни обычно определяют себя именно по морунгу: «жители такого-то морунга». Морунги у коньяков действуют вполне автономно, они могут заключать союзы с другими, даже находящимися в другой деревне, морунгами. У нага очень развито чувство соперничества между морунгами, что может привести к тяжелым последствиям, вплоть до сожжения части домов. Но в то же время все морунги так или иначе связаны друг с другом, потому что между ними существуют сложные брачные и другие связи. В социальном плане в олигархическом (выделяющем коньяков из среди большинства нага) обществе коньяков не все морунги равны. Превосходство того или иного морунга выражается в основном в их месте во время общедеревенских церемоний. Кстати, прослеживается связь между силой влияния морунга и системой деревенского управления у нага. Чем сильнее вождь, тем менее самостоятельны морунги, ведь они — опора демократизма, а не олигархизма. Сильные вожди в них не нуждаются, опасаются их влияния.

Рассказ о морунгах коньяков хочется завершить красочным описанием одного из них, данного видным исследователем племен Индии Фюрером-Хамменсдорфом: «Морунг, с его раскрытой передней частью,

возник перед нами, как распахнутая пасть гигантского кита; свисающие с карниза резные шесты и деревянные планки колыхались на ветру, издавая мелодичные звуки. Могучие столбы поддерживали крытую пальмовым листом крышу, и четыре резные фигуры, украшавшие конек, выкрашенные в красный цвет и образующие радостный контраст с нежно-голубым небом, воздевали к небесам руки. Над ними примостились три птицы-носорога, которые словно осеняли дом своими крыльями. Эти священные птицы с их огромными клювами составляли вместе с тиграми, слонами, змеями и человеческими изображениями основное содержание резьбы, которой был украшен разноцветный фриз...»

Особое место занимает мужской дом у ао нага (местное название — *ариджу*) с его системой возрастных классов, которые существуют не только в ариджу у его молодых обитателей, но и за пределами дома, составляя основу потестарной системы крайне демократичных по стилю управления ао. Каждые три года в ариджу вступает новая возрастная группа и, соответственно, меняются права и обязанности их членов. Старшие получают право распоряжаться новичками, еще через три года они освобождаются от всякого физического труда и принимают на себя управление мужским домом, а в следующий период они уже не обязаны спать в ариджу и могут жениться. Интересно, что это разделение на возрастные группы, с которыми связаны определенные права и обязанности, сохраняется и за стенами ариджу. У одной из подгрупп ао — *чанги*, наиболее архаичной, — сохраняются те же трехлетние группы, в том числе устанавливается и трехлетний срок сохранения должности деревенских старейшин, которыми являются все члены соответствующей возрастной группы. У другой подгруппы — *чонгли* — зафиксирована крайне своеобразная система поколений. Через каждые 30 лет в социальную жизнь вступает новое поколение, со своим именем (например, в одной деревне действующее поколение носило название «смелое поколение», в другой — «поколение преданий»). Люди, которые занимали те или иные общественные посты во время функционирования одного поколения, автоматически освобождаются от своих обязанностей, когда на смену приходит другое поколение, и не могут возвратиться к ним на протяжении последующих 30 лет. При этой системе деревенский совет оказывается очень многочисленным, число членов в нем — «*тата-ров*» — колеблется в разных деревнях от 25 до 80.

Интересно, что обычай перехода власти от одной возрастной группы к другой продолжает жить в совершенно новых условиях. Среди так называемых «мятежных нага», которые в послевоенный период возглавляли сепаратистское движение в горах Нага, одним из обвинений в адрес

Физо, лидера нагских экстремистов со стороны соперничавшей группы, было то, что он и его сторонники нарушили эти сроки.

Несколько слов еще об одной специфической черте морунга нага: их мужской дом всегда играл роль крепости, в то время как у многих других горных народов (Центральная Индия) военные функции отошли в столь далекое прошлое, что теперь даже не упоминаются при характеристике мужского дома. У нага мы видим иную картину. Их воинственность вошла в поговорки, и поскольку война оказала заметное влияние на все сферы культуры нага, нельзя не остановиться на этом. Как уже упоминалось, кровопролитные стычки не только между племенами и деревнями, но и внутри деревень между отдельными кварталами и родовыми группами были нормой жизни нага. «У нас столько войн, сколько волос на голове нага» — эти слова одного из местных жителей приводит в своей монографии по истории Индии В. Смит. Войны могли длиться на протяжении нескольких поколений, нага сражались и в открытых боях, и с помощью ловушек и засад, соревнуясь не только в мужестве, но и в лукавстве. «Слава в войне — главный стержень, вокруг которого сплавивалась жизнь и деятельность нага», — писал Смит. Военизированный уклад нага налагал отпечаток на все сферы их культуры — и материальной (укрепленные деревни, знаковость костюма), и социальной (формирование военной дружины мужских домов, укрепление позиций вождя во время войн), и духовной (представление об особой духовной значимости головы). Память об этом виде войны продолжает жить в форме овеянных воспоминаний — резных украшений в виде голов, собраний черепов, деталей воинского костюма.

Эта постоянная готовность к войне проявлялась как во взаимоотношениях между отдельными племенами, деревнями и даже линиджами, так и в стремлении силой добиться автономии, отдельного государства, различных привилегий. Однако по мере окончания распределения территории между племенами и последующего замирения, с определением политического статуса отдельных групп приходил конец племенным войнам, тем более что английское правительство вело против них жесткую борьбу.

Война у нага, как и у ряда их соседей, носила своеобразный характер охоты за головами, истоки которой уходят в глубокую древность. В основе лежали магические представления о том, что голова является главным вместилищем жизненной силы и оплодотворяющей энергии. Поэтому каждая добытая на войне голова уменьшала духовный потенциал противника и соответственно увеличивала социальную значимость и благополучие победителя и его деревни. К тому же пролитая кровь

окропляет поля и способствует их плодородию. Понятие плодородия, фертильности является одним из стержневых понятий в жизни нага — в духовной, социальной и природно-хозяйственной сферах. Под плодородием у нага понимается некая сила или способность, которая может быть трансформирована в материальное добро (пищу, питье во время праздников и др.) с целью достижения изобилия. Именно обладание этой способностью, а не просто нажитое богатство дарует высокий статус. И добытая голова, содержащая кровь врага, увеличивает урожайность полей. Добывание голов имело мало общего с романтической схваткой с врагом и последовавшим отсечением главы этого врага, содержащей вражью силу. Напротив, поход за головами мог быть тайной вылазкой с целью неожиданного нападения и убийства. Принадлежность головы убитого при этом не играла роли — она могла быть мужской, женской и даже детской. При этом женские головы ценились дороже — их труднее было добыть из-за более замкнутого образа жизни женщин. К тому же убийство женщины наносило удар по численному составу чужой общины в связи с ее детопроизводящей способностью. Голову срезали у уже убитого врага, для того чтобы обогатить свою деревню этим драгоценным трофеем, и помещали в мужской дом на вечное хранение. До сих пор в ряде деревень сохраняются целые стеллажи, заполненные черепами врагов, добытыми на протяжении многих поколений. А самого «героя» шумно приветствовали, устраивали в его честь пир, он получал право на особые воинские традиции, сразу повышался его социальный статус, он становился завидным женихом.

Юношей в мужском доме специально не обучали военному делу, но воспитанные там качества — дисциплинированность, умение подчиняться старшим, спортивная сноровка, терпимость к физическим страданиям, проявленная во время инициаций, — делали молодежный коллектив боевым отрядом, закалявшимся в постоянной практике межплеменных и межродовых сражений. И главное — именно морунг был центром развитого и красочного ритуала, связанного с появлением в деревне новых вражеских голов. Головы сперва выставляли на особое дерево на общее обозрение, после чего их торжественно переносили в морунг, сопровождая этот акт шумными возлияниями, а на столбах дома вырезали украшения — рога митхана или кабана, перья птицы-носорога и прочие почетные регалии. До сих пор, когда во время традиционных праздников потомки славных воинов облачаются в костюмы охотников за головами, время кровавых войн вспоминается как некий золотой век, время мужества и побед. Конечно, каждая война — это варварство, кровь, разрушения... Но в то же время с войной у первобытных народов

связан целый пласт яркой обрядности, воинских обычаев, фольклора. И еще одно маленькое замечание: по подсчетам исследователей, потери за время охоты за головами уступают количеству смертей от эпидемий, которые пришли в горы после крушения географических барьеров.

Говоря о морунгах и войнах, хочется отметить еще некоторые моменты. Все в структуре общества так или иначе связано между собой. Как это ни странно, война — по своей природе разрушительная сила — в племенном обществе играет некую консолидирующую роль. У большинства нага с демократическим стилем правления вождь обычно не обладает сколько-нибудь значимой личной властью, и только во время войны, которая требует твердого руководства, обретает реальную роль. Укрепление потестарной системы объективно является шагом вперед в развитии общественных отношений в общине. Как же выглядит система управления у нага?

Наверное, нельзя говорить о «системе» в единственном числе — вариантов власти у нага столько же, сколько насчитывается племен, и даже больше. Лучшую характеристику традиционной политической организации нага дает Д. Хаттон. Он пишет, что внешне у отдельных народов этой группы наблюдаются весьма значительные различия: на севере — могущественные вожди коньяков, власть которых священна, а южнее — вожди сема, обладающие автократической, но светской властью, и рядом с ними, поражая контрастом, — крайний демократизм ангами или сложное, пришедшее из глубины веков политическое устройство ао с их органичным слиянием генеалогических и соседско-общинных институтов.

Однако на деле оказывается, что различия в управлении не столь велики. Власть вождя у сема падает, если иссякают ничейные земли и нет возможности посылать братьев и сыновей основывать новые деревни-сателлиты, а через пару поколений он вообще утрачивает свой авторитет. Непрочно и положение могущественных вождей коньяков. К тому же у этого народа существует иерархия родов, включающая группу привилегированных и простых сословий. Первые носят название *анг*, также называют и наследственных вождей коньяков, которые принадлежат не просто к высшей, но к особо чистой, узкой группе — «группе великих ангов». Если у сема общинники выполняют определенные повинности по отношению к вождю, но в житейском плане близки ему, то у коньяков, напротив, всячески подчеркивается исключительность положения вождя. Личность вождя почитается священной, ему оказываются знаки особого преклонения. Важным фактором расширения власти анга было завоевание соседних более слабых деревень, которые должны были пла-

тить завоевателю дань. Но и здесь, как и у сема, с замирением гор власть ангов постепенно слабеет.

Напротив, память ныне демократических нага хранит свидетельства о былой автократической системе правления. Оказывается, что сильная власть вождя определяется в первую очередь незамирностью территории группы (его ролью воина и миротворца в условиях спорности границ племенных групп и давним характером межплеменных конфликтов) — в условиях войны необходим сильный военачальник. Этим объясняются и воспоминания о властных предводителях у ангами, лхота и других нага, ныне поражающих отсутствием сколько-нибудь ощутимой личной власти. Таким образом, наличие сильной власти вождей у коньяков или сема не только не свидетельствует о более высокой (по сравнению с безбрежной общинной демократией) ступени социального развития, но и, напротив, говорит о более архаичной структуре. Они еще только подходят — по мере изменения условий их жизни — к той свободной политической системе, которая характерна для большинства нага.

Мы начали с тех сфер жизни, где традиции войны наиболее очевидны. Но они прослеживаются и в других культурных сферах.

Воинственный образ жизни бросается в глаза с первого знакомства с нага, их поселениями и домами. Многие нага (ангами и др.) традиционно строят свои деревни на труднодоступных вершинах и пиках гор, к ним ведут легкие бамбуковые мостики, часто поднятые на головокружительную высоту. В прошлом многие селения, окруженные обрывами и искусственными рвами, выглядели как крепости. Каменные стены разделяли отдельные кварталы, между которыми время от времени вспыхивали ссоры. Теперь от прошлого остались трудные подходы ко многим деревням: узкие, каменистые, петляющие среди высоких уступов, кое-где можно найти остатки стен и рвов, дозорные башни, сложенные из камня, а иногда и из дерева. Дома обычно располагаются достаточно тесно — это определяется особенностями горного рельефа. И поскольку окружающие горы еще сохраняют лесной покров, основным строительным материалом является дерево, деревянные строения всегда выглядят значительно богаче и монументальнее, чем низкие глиняные хижины равнинных народов Северной Индии. Своеобразие поселениям придают огромные каменные монолиты и высокие вилкообразные шесты, свидетельствующие о совершении определенных социальных церемоний (о них речь пойдет ниже), а у некоторых групп (ангами) — массивные деревянные резные ворота: их помещают в стены, отделяющие одни кварталы-кхели от других. Переноска этих тяжелейших ворот из леса в деревню превращается в

многолюдное действо, участники которого наряжаются в праздничные костюмы и заканчивают нелегкий труд по установке ворот пышным возлиянием.

Жилища нага чаще всего строят не на сваях, а прямо на земле. Этим они отличаются от большинства других горных народов Северо-Восточной Индии, у которых преобладают свайные постройки, при этом у многих отмечен тип длинного дома (народы Аруначала), не характерного для нага. В то же время и у некоторых нага, строящих свои жилища на горных склонах, можно увидеть сваи — это зависит от особенностей ландшафта. Так, дома ао нага располагаются по склонам таким образом, что передняя часть стоит непосредственно на земле, а задняя приподнята на более или менее высоких (в зависимости от крутизны склона) сваях. Фронтоны домов, принадлежащих знатным людям общины, украшаются причудливой резьбой — это изображения митханов, человеческих голов, разного рода геометрические узоры. Обычно передний фасад имеет ряд массивных столбов, пространство между которыми забивается досками, стены чаще всего образуются бамбуковым плетением, крышу кроют сухой травой, конек спереди часто украшается вырезанными из дерева массивными рогами. Фасадные столбы, которые поддерживают спереди крышу (по бокам ее склоны низко спускаются к земле), являются тем местом, где располагается резной орнамент. Теперь входят в обиход новые строительные материалы — цемент и жель. Жилище становится более просторным и светлым. Окна чаще всего отсутствуют — свет проникает через дверь и щели в стенах.

Поблизости от деревни находятся поля — это земля того или иного племени. Нага, как и большинство народов Ассамских гор, являются давними земледельцами, которые возделывают свои поля методом как мотыжного, так и орошаемого террасного земледелия. Традиционная форма земледелия — подсечно-огневое, которое в данном регионе обозначается термином «джхум». Это древнейший способ обработки земли, необходимым условием которого является обилие свободных лесных пространств и естественной влаги. Этот способ практиковался и на индийских равнинах в ту пору, когда они еще не были обезлесены (об этом сохранились упоминания в «Махабхарате»). Джхум является традиционной формой земледелия всех горных и лесных народов, хотя некоторые из них начали переходить к постоянной обработке одних и тех же участков еще в начале прошлого века.

Земледельческий цикл начинается с выбора лесного участка и его расчистки. Расчистка всегда производится коллективно, хотя каждая семья обычно знает границы своего участка. Работа сообща определяется

и тем, что все операции необходимо провести с учетом действия муссонов. Расчистка требует больших затрат труда, поскольку лес в горах высокоствольный, а орудия — традиционные ножи-*дао*, иногда небольшие топорики. Поваленный лес сохнет в течение полутора-двух месяцев, а затем наступает решающая фаза — сжигание леса, что должно быть выполнено до наступления сезона дождей. Пал обычно завершается в течение дня. От того, насколько полно сгорит лес, зависит судьба будущего урожая, ведь зола является единственным удобрением.

Посев производят в слегка смешанную с золой землю, сеют как в специальные ямки, так и простым разбрасыванием семян. Операции так рассчитаны, что сушка леса приходится на сухие месяцы, а посев производится перед приближением муссона. Наряду с вновь расчищенным полем земледелец, как правило, сохраняет и прошлогодний участок, так что каждая рощица служит в основном два года, и расчисткой земли приходится заниматься ежегодно. Часто на одном из участков сеют только рис, а на участке второго года производят смешанный посев из проса, маиса, овощей и пр. После двух лет поле приходится бросать и переходить на новый участок — без удобрений земля быстро истощается, зарастает сорняками, верхний плодородный слой почвы смывается бурными муссонными потоками. Поле должно отдыхать не менее 9–13 лет, чтобы укрепился полноценный лесной покров и земля восстановила свое плодородие.

Поэтому при джхуме резерв леса должен превосходить необходимый для пропитания семьи надел в 8–10 раз. Земледелие — это та область, в которой понятие «фертильность» проявляется в его исходном значении. Если человек должным образом соблюдает необходимые ритуалы на протяжении всего земледельческого цикла, то он может собрать богатый урожай. По представлениям нага, такой человек находится в контакте с фертильностью, и его богатство является проявлением этого контакта.

До тех пор пока соблюдается баланс между численностью населения и количеством свободных земель, джхум остается наиболее приспособленным в местной природной среде способом земледелия. Но порожденный условиями леса, джхум начинает сам оказывать воздействие на свою среду. При росте населения и сокращении лесных резервов наступает момент, когда сроки отдыха земли сокращаются, причем процесс происходит все быстрее. Смена высокоствольных джунглей вторичными лесами, а затем и бамбуковыми порослями полностью истощает землю. «Человек съедает лес», — так говорят о подсечно-огневых земледельцах. Приходится изыскивать новые способы обработки земли, т.е. переходить к постоянному земледелию.

В горных условиях самыми приспособленными к рельефу являются террасные поля, которые ползут вверх по склону и орошаются водой из ближайшего источника, доставляемой на верхние поля с помощью системы бамбуковых трубок и далее стекающей на нижележащие земли. Расположенные лестницей, узкие и длинные небольшие поля-террасы обкладываются убранными с них камнями. При этом если поля джжум являются общинными, то террасные находятся в семейном владении, вне компетенции общины. Их, как и каналы, подводящие воду, можно отчуждать, но предпочтительно в рамках своей общины. Основная поливная культура — рис. Смена форм земледелия влечет за собой серьезные перемены во всей структуре общины, приводит к нарушению равенства общинного коллектива и традиционных устоев общества. Владелец террасного поля менее заинтересован в общинной земле и в связанных с нею обязательствах. Переход к террасному хозяйству в настоящее время происходит у многих нага, но у ряда народов группы террасные поля были известны намного раньше, например у ангами, которые уже накопили значительный опыт в их организации, тогда как другие (пример ао) еще постигают его методом проб и ошибок.

Большая часть нага — хорошие ткачи, еще в начале XX в. они одевались в основном в ткани собственного производства. Позже их ткачество постигла обычная участь ручных промыслов — все больше предметов, более дешевых, фабричного производства, стало ввозиться сюда из Бирмы и Великобритании и теснить местную продукцию. Однако и теперь в горах Нага можно встретить нарядные полосатые ткани черного, красного, желтого цветов (у каждой народности есть свои традиционные цвета, которые могли указывать и на социальное положение человека). Нередко встречается яркая черно-желто-красная ткань, украшенная стилизованными изображениями бабочек и слонов. Традиционной поясной одеждой мужчины служит набедренная повязка, женщины — несшитая юбка. Верхняя часть тела по мере необходимости закутывается в покрывало или накидку. Скучность традиционного костюма, который и теперь сохраняется в поле и дома, дополняют украшения, особенно многочисленные у женщин. Обращают на себя внимание многоярдные ожерелья из бус, часто из ракушек, браслеты из слоновой кости, под коленями — повязки из крашеного тростника. В прошлом существовал обычай у девушек до брака брить волосы, что, по мнению местных жителей, не умаляет их красоты.

Мы выше уже упоминали о пышности боевого наряда нага. У каждого из племен есть свои особенности в костюме, но в первую очередь хотелось бы обратить внимание на очевидную знаковость отдельных

элементов наряда, особенно праздничного. По всем торжественным случаям — будь это праздник весны, «праздник достоинства», добыча головы или изготовление высоко ценимого у нага огромного деревянного гонга, хранящегося в морунге — все нага (и мужчины, и женщины) обязательно используют самые яркие одежды и украшения. «Царство цвета и движения» — таким представляется праздничное сборище нага наблюдателям. При этом украшения для нага не просто элемент эстетики, это форма определения идентичности отдельных лиц и целых групп. В обыденной жизни нага используют множество природных объектов (перья, рога, клыки, ракушки и пр.). Среди них есть украшения, которые может надеть на себя любой, независимо от заслуг и положения, но в то же время большая часть элементов костюма имеет особое значение, они являются «обладающими силой». Неудивительно, что право ношения таких вещей строго контролируется. При неправильном их использовании скрытая сила может проявиться нежелательным образом. Само приобретение таких вещей должно подчиняться специальным правилам. Так, лхота, который носит ожерелье из клыков кабана или браслет из слоновой кости, должен покупать их не сам, а действовать через посредника, который «оттянет» на себя возможную недобрую силу. Воин сема не может носить клыки кабана, которого он сам убил, даже если имеет на это все права, а ангами не может украшать себя перьями птицы-носорога в период между посевом проса.

Приведем небольшой пример того, как отдельные украшения служат для идентификации племени. Соседи — ангами и сема (при этом ангами давние террасные земледельцы, сема же практикуют джжум). Ангами — охотник за головами носит пышную розету из волос и крылышек пчелы, сема — ожерелье из кабаньих клыков. Мужчина ангами носит пояс из ракушек и ножные повязки из волокон тростника, у сема — передник из ракушек и никаких ножных украшений, женщины ангами украшают себя ракушками каури, сема — никогда. Но в целом набор элементов костюма в большей степени общий у разных племен нага. Поэтому украшения являются скорее свидетельством общности, идентичности нагского общества. В конкретно-материальной форме одежда представляет информацию об обычаях, воззрениях и ценностных представлениях этнической группы, многие из которых уже ушли из жизни, но продолжают жить в знаковом измерении.

Особую тему составляют детали наряда охотника за головами, здесь семиотическая сущность выступает наружу. Поскольку воина нага узнают прежде всего по этому костюму, необходимо еще раз обратиться к нему. Общее впечатление от наряда воина — красочность и картин-

ность. Прежде всего бросается в глаза украшающая голову диадема из перьев птицы-носорога, основой для которой служит повязка из меха медведя. Перья укрепляются свободно, так что при движении они колышутся, образуя пышный ореол вокруг лица. Только воин, реально добывший голову, имел право на такой убор, молодые люди, не совершившие такого «подвига», но желающие облачиться в перья для праздника, довольствовались имитацией из бумаги или перышек бирманской курицы. Некоторые воины помещают на голову пару рогов митхана — больших и тяжелых. Это свидетельство не просто удачной охоты, но главенствующей в ней роли. Рога принято украшать полосками крашеного тростника и человеческими волосами. Особое украшение встречается у коньяков — это череп обезьяны-хулук, который прикрепляется к головному убору и на который имеет право не просто воин, но высокий по социальному статусу вождь. Украшения дополняют ожерелье из клыков кабана, розетки из крылышек изумрудного жучка в ушах, великолепная перевязь через одно плечо из ярко-красной шерсти собаки со свисающими прядями длинной козьей шерсти, тоже выкрашенной в красный цвет. Впрочем, цвета могут меняться — раньше каждое племя могло быть идентифицировано по цвету, также могут варьироваться и отдельные виды и элементы украшений.

До сих пор эти причудливые наряды можно видеть на современной молодежи во время праздников, когда исполняются воинские пляски, танец с длинными бамбуковыми стволами в честь их основного строительного материала или танец птицы-носорога с имитацией движений этой наиболее популярной представительницы пернатого мира. Кстати, в современном Нагаленде праздник в честь этой птицы отмечается как официальный — при сохранении традиционных элементов в нем отчетливо проступают и элементы стилизации для привлечения зрителей.

Сейчас большая часть племен нага христианизирована, что и могло их молодежи выйти в широкий современный мир за пределами родных гор. В то же время общество нага остается в большой степени ритуализированным, именно ритуальная практика помогает им познавать мир и даже менять его. Анимисты-нага населяют свой мир не только многочисленными духами, но и богами. Есть среди них добрые и недоброжелательные, от последних служат защитой бамбуковые копья (панджи), которые и сейчас можно видеть во многих деревнях нага. Но главное, что определяет характер всех сверхъестественных существ, —

это их связь с плодородием: они не столько непосредственно воздействуют на людей и общество, сколько через влияние на естественный плодородный цикл. Недаром почти все праздники нага связаны с разными этапами земледельческого цикла. Главные просьбы к богам (наряду с мольбой об удаче в войне и охоте) — мольба о хорошем урожае. У нага обычно имеется высший бог или боги, небесные боги и духи и духи земные. У ангами с их эгалитарной системой есть верховный бог, но он далеко и его влияние не слишком ощущается в обыденной жизни, где господствуют *терхома* — духи плодородия, добычи, зла и пр. А у иерархических коньяков вся власть над живущими принадлежит их верховному божеству — Гавангу.

Главный элемент религиозной практики нага — это принесение жертвы. У всех нага в ходу термин «*дженна*» — магический обряд в широком смысле, включающий и жертвоприношение, и различные табу — запреты, касающиеся как отдельных лиц, так и целых общин (для них есть особая терминология). Жертвами могут быть различные предметы и существа — начиная от яйца или рисового листка до цыпленка или свиньи. Самая ценная и дорогостоящая жертва — бык-митхан, огромный, полудикий, сильный, которого нелегко (опасно и дорого) добыть и который выступает как обменный эквивалент при таких серьезных событиях, как уплата штрафа, заключение мира с другой деревней, выкуп за невесту. Но главное — митхан — жертва. Обычно каждый обряд-дженна обязательно сопровождается периодом бездействия, табу (на человека в период рождения в семье ребенка, на общину во время праздника достоинства — о нем далее и т.д.). Главное при дженне — запрет покидать деревню или входить в нее. Ведь основная цель жертвенного обряда — облегчить прилив фертильности в конкретную социальную группу, но не за ее пределы. Нага не знают идолов, зато у них широко развит культ камней. Есть и камни-талисманы, помогающие хозяину на охоте и на поле, и камни — вместилища высших духов, и одушевленные, нередко персонифицированные камни, с которыми связана целая мифология. Они способны вступать в брак, производить потомство, между отдельными камнями могут существовать дружественные или враждебные отношения. Подобной индивидуальностью наделяются лишь избранные камни, обычно крупные монолиты, которые можно видеть в окрестностях некоторых деревень нага. Камни способны вызвать бурю и другие стихийные бедствия, их нельзя безнаказанно переносить на другое место. Сохранились рассказы о битвах валунов и нага показывают даже их следы — огромные якобы отрубленные каменные головы.

Сложны представления нага о душе. У человека, считают они, есть несколько душ. Одна душа — душа самого человека — после его смерти отправляется в страну мертвых. Эта же душа, по достаточно расплывчатым представлениям нага, может периодически при его жизни вселяться в тело тигра или леопарда и в этом облике быть свидетелем многих событий. Этот вид оборотничества весьма популярен у нага, до сих пор в удаленных деревнях можно встретить «людей-тигров» и «людей-леопардов». Душа человека обычно входит в тело тигра (его называют «мой тигр») во время сна и возвращается на рассвете. Человек в это время находится в состоянии летаргии, хотя полностью не теряет сознания. Душа же более или менее сознает свое существование в теле тигра, и человек по ее возвращении даже может кое-что рассказать об этом периоде. Недаром тигр считается у нага животным, наиболее близким к человеку, во многих легендах они выступают как дети одной матери. Второй вид души более расплывчат, она может отлучаться от своего хозяина, быть подвержена воздействию тех или иных духов. Результатом может быть болезнь, и необходимо жертвой предотвратить зло.

Все нага верят в связь живых и мертвых, те и другие жили на той же земле. Страну мертвых представляют по-разному — на небесах, под землей, в дальних горах. Жизнь там похожа на земную, души павших в битвах воинов продолжают сражаться и на том свете. Умершего при этом сопровождают души всех животных, которых он приносил в жертву (в первую очередь митхана) и добыл на охоте. Интересно, что в роли одной из душ человека выступает тот же митхан — он бывает душой и земной, и небесной.

Поверья и легенды нага очень поэтичны и рождены их миром, их природным окружением. Они стараются объяснить различные природные явления, постичь тайны мира. Затмение луны и солнца объясняется тем, что их хочет проглотить какое-либо животное. Таким животным выступают тигр, собака и очень часто лягушка. «Лягушка пожирает солнце» — так кричат все во время затмения, причем некоторые нага требуют: «Проглоти его!», а другие: «Не ешь его, это наше солнце!»

Коньяки объясняют землетрясение смертью их могущественного вождя — анга, который должен пробивать себе дорогу в страну мертвых через заросли вьюнов. Считается, что опасно приближаться к подножью радуги — дух, обитающий там, может причинить смерть. Не рекомендуется заключать браки в том месяце, когда прилетают ласточки — молодые жены могут сбежать от мужей в дом родителей. Число «семь» почитается несчастливым — ангами никогда не собираются по семь человек.

Многие легенды рассказывают о происхождении деревень и родов, в них ощутимы следы тотемистических представлений. Особенно многочисленны рассказы о тигре. Тотемистический характер отчетливо выступает в рассказе о том, как поссорились тигр, бог и человек, бывшие родными братьями. Мать предложила им решить спор соревнованием, чтобы первый коснувшийся цели остался жить в деревне, а остальные ушли в лес. Человек, которому помог бог, победил и стал деревенским жителем, а проигравший тигр ушел жить в джунгли. Можно долго рассказывать о нагском фольклоре — о боях птиц и змей, митханах, воинских подвигах. Но, думается, сказанное дает общее представление о поверьях и сказаниях народа.

Люди обычно сами проводят ритуалы, касающиеся их семьи. Но, кроме того, имеются деревенские жрецы, фигуры достаточно влиятельные. Например, у ангами, с их крайне демократической системой управления, где вождь практически не имеет реальной власти, жрец*кемово* в мирное время обладает большим влиянием. Его должность передается по наследству старейшим членам семьи, принадлежащей к роду-первонасельнику данной общины. У разных нага такой духовный наставник может обладать функциями знахаря, шамана, предсказателя. К тому же его авторитет часто выходит за пределы сферы ритуала. Он является посредником между общиной и миром духов, ему приписываются определенные магические способности. Интересно, что он не играет роли в обрядах земледельческого цикла, но является почетным участником такой высокочтимой церемонии нага, как «праздник достоинства». Об этой церемонии, играющей выдающуюся роль и в религиозной, и в социальной жизни, следует рассказать особо.

Праздник достоинства совершается одним лицом, связанные с ним обряды не относятся ни к жизненному, ни к земледельческому циклам. Это один из видов дженна, здесь соседствуют воздержания и жертвоприношения, типичные для этой категории ритуалов. Эти церемонии фиксируют и закрепляют различия в социальном положении общинников, одновременно они переводят материальное богатство (митханов, рис и пр.) в социальное ранжирование. Сила общинных связей в обществе нага такова, что разбогатевший общинник должен подтвердить свое экономическое преимущество получением социальных привилегий. Само по себе богатство индивидуума не дает ему на это права. Для достижения последнего в обществе существуют так называемые социальные церемонии типа потлача индейцев Северной Америки, получившие у этнографов название «фет де мерит». Эти церемонии включают целую серию обрядов, основное содержание которых заключается

в жертвоприношениях и угощении односельчан. По прохождении положенных этапов герой получает право на признание и определенные привилегии — в одежде (красный тюрбан, вышитая шаль), жилище (украшение в виде резных рогов митхана — отсюда описанная выше пышность нагских жилищ) и пр. Прохождение через все этапы могло длиться многие месяцы.

Обычным завершением и кульминацией всей серии является установление крупного каменного монолита перед домом, который увековечивает память о том, кто совершил церемонию. Кроме камней, у дома ставятся и упоминавшиеся выше памятные деревянные вилкообразные столбы. Теперь понятен источник этих многопудовых регалий, которые составляют особенность нагских деревень. Кстати, доставка тяжеленного монолита к дому устроителя — тоже важное событие, требующее участия всех мужчин социума. Все эти обряды включают церемониальные жертвоприношения, перемежающиеся магическими действиями, которые совершаются согласно выработанному ритуалу и при расширяющемся круге участников (от узкой группы сородичей до целой деревни, и даже не одной). Финальной жертвой обязательно должен быть митхан, иногда несколько, так что на всю серию обрядов обычно уходит все имущество устроителя: таким образом, происходит привычное для раннего общества перераспределение излишков богатства среди всей социальной группы. По мере того как богатство человека росло, он мог повторять церемонию, воздвигая уже не один, а две монолита. Известны поистине удивительные случаи. Так, английский этнограф Д. Миллс называет имя жителя одной из деревень ао нага, на счету которого было двадцать пять установленных монолитов! Для воззрений нага устроитель церемонии — обладатель богатства — это прежде всего тот, кто владеет фертильностью и может ее даровать, и во время праздника достоинства он распространяет ее среди своих односельчан.

Здесь вновь выпукло проступает идея плодоносящей жизненной силы, путем которой происходит «натурализация» богатства человека, поскольку в понимании нага богатство — это не владение куском земли и даже наемными батраками, а контакт человека с этой жизненной силой, которой он делится с окружающими.

Конечно, традиционное общество нага меняется, как, впрочем, оно менялось и в прошлые века, когда они стали доступны для европейских исследователей и наблюдателей. Они получили свой автономный штат

Нагаленд, стали расти города, появился свой управленческий аппарат, на население стали распространяться разного рода общеиндийские программы развития. Был открыт большой мир за пределами гор, и молодежь стала активно вовлекаться в жизнь большой страны: получать образование в университетах Дели и других городов, участвовать в политических баталиях.

Следует отметить большое влияние христианской (баптистской) религии, которая в настоящее время охватила более 90 % всех нага. Все это не может не сказываться на сферах культуры. Но все-таки не следует говорить о полной трансформации традиционного общества — оно еще сохраняет свой национальный колорит. При этом следует иметь в виду различия между деревнями, находящимися в большей близости к городам (немногочисленным) и границам с равнинами и занимающими более удаленные и глухие территории. До сих пор нага идентифицируют себя по родовой принадлежности, хотя нередко случаи заключения браков в пределах экзогамных групп. Сохраняются родовая взаимопомощь, контроль за родовой землей. Мужские дома в наиболее модернизированных районах утрачивают свою ведущую роль и могут заменяться новыми молодежными организациями, по существу, со сходными функциями. Деревенская администрация организуется по общеиндийскому образцу (система панчаятов), хотя в современных органах чаще всего ведущую роль сохраняют бывшие вожди. Несомненна значительная роль христианства в модернизации жизни. На смену праздникам достоинства с перераспределением нажитого имущества среди общины приходит накопление реальных ценностей, которые сами по себе повышают статус человека (в первую очередь в деревнях, соседствующих с городскими центрами); уходят обычаи воздвижения памятных монолитов и ворот; многие обряды жизненного цикла совершаются по баптистским правилам, — но в удаленных горных поселениях сохраняются старые ритуалы. Неслучайно сейчас принято говорить о дихотомии традиционного и современного у нага. Впрочем, подобный процесс с разной степенью интенсивности проходит практически во всех племенных районах Индии, и не только в ней.

Нага, с очевидной воинственной ориентацией их культуры, являют пример типичного патрилинейного общества. Тем интереснее, что в непосредственном соседстве от них проживают народы, общество которых покоится на совершенно иных, матрилинейных началах. Это гаро и кхаси — основные субъекты штата Мегхалая, который возник (мирным путем, в отличие от Нагаленда) на территории центрального горного Ассама в 70-х годах прошлого века. Эти народности занимают соседние

горы, носящие названия самих племен, каждое из которых имеет свою этническую территорию. Они не родственны между собой, их обычно объединяют по принципу необычной для рассматриваемого региона линейной системы. Гаро, как и нага, принадлежат к тибето-бирманской группе синотибетской семьи, кхаси — к монкхемерской группе аустроазиатской семьи. Это соседство двух народов со сходной линейностью, но чуждых по этнической принадлежности издавна привлекало внимание этнографов, которые не только исследовали их социальные системы и истоки последних, но и проводили сопоставление их матрилинейных институтов, пытаясь выявить общее и особенное. В частности, видный теоретик этнографии Эренфельс отстаивал первичность «матриархата» кхаси (теория школы культурных кругов, согласно которой аустроазиатцам присущ матриархальный тип) и вторичность, точнее заимствованность, их системы со стороны тибето-бирманских гаро. Однако материалы показывают, что о каком-либо переносе матрилинейной системы кхаси на общество гаро не может быть и речи. Это принципиально разные структуры, каждая из которых имеет свои специфические институты и традиции. При этом наиболее уникальные формы характерны прежде всего для гаро.

В отличие от многих других горных племен, мотыжные земледельцы гаро предпочитают строить свои деревни не высоко по склонам, а в горных долинах и на горных спусках. Их старые дома, которые почти не сохранились, поражают своими размерами — они длинные (от 30 м и более) и относительно узкие, поднятые на сваи, со стенами, плетеными из полос бамбука. Внутри такого дома всегда сумрачно. Размеры дома особенно впечатляют, если учитывать, что у гаро — малая семья (большая не зафиксирована). Переходу к строениям более современного типа в немалой степени способствовала христианизация, которая внесла существенные изменения в образ жизни всех народов Северо-Восточной Индии. Дома в христианских поселениях располагаются свободнее, вид деревни оживляют апельсиновые и бетелевые посадки. Меняется и характер самих строений. Христианам не требуются такие обширные помещения, которые использовались во время языческих обрядов и праздников. Часто дома строят прямо на земле, нивелируя поверхность пола небольшим фундаментом. Теперь в домах можно видеть мебель, зеркала, транзисторные приемники, телевизоры и прочие новшества. Обычно у гаро кроме деревенского дома имеется хижина в поле, где часть семьи живет в период активных полевых работ. В прошлом такие домики нередко строились на высоком дереве — для безопасности и лучшего обзора участка.

Традиционный костюм гаро в виде несшитых полотнищ ткани (часто синей) — «одеял» — сохраняется в основном в глубинке, на смену ему приходят современные сшитые брюки, рубашки, одежда бенгальского типа. В качестве любопытной черты их культуры хотелось бы отметить *шиша* — так называют тяжелые медные кольца, которые женщины носили в ушах (до пятидесяти в каждом ухе). Своей тяжестью шиша сильно оттягивали мочки ушей, которые иногда даже разрывались. Не этот ли старый обычай лег в основу описания Страбона (воспринимаемого как небылица), в котором говорится о женщинах на севере Индии, имевших столь длинные мочки ушей, что они могли укладываться на одну и прикрываться другой? Такого рода гиперболы неоднократно встречаются у древних авторов, пораженных необычностью восточной экзотики.

Но самая необычная область культуры гаро — родо-племенная, очень специфическая форма матрилинейной организации, отличающаяся большой гибкостью и связывающая социальную и семейную сферы. Для них характерна отчетливо выраженная дуальная структура, дуальный принцип пронизывает все общество. В основе лежат изначальные роды — *катчи*, из трех зафиксированных лишь две являются универсальными. Катчи подразделены на десятки *махари* — сильно разросшиеся экзогамные матрилинейные роды, делокализованные и расселенные в определенной местности. Принадлежность к одному махари создает чувство родства, даже не столько биологического, сколько социального. Махари играет важную роль в традиционной организации гаро. Однако очевидно, что такая разросшаяся (до нескольких тысяч человек), лишенная территориального единства общность не может быть реально действующим институтом. Таковым является локализованная в конкретной деревне часть рода, которая тоже определяется как *махари*. Эта ситуация уже знакома нам по родовой структуре нага. Но в остальном система гаро очень специфична. В каждой деревенской общине обычно имеется один (или преобладающий) линидж того или иного махари, у которого существуют постоянные (повторяющиеся из поколения в поколение) брачные связи с определенным линиджем другой катчи из другой деревни. В каждой деревенской общине, таким образом, преобладают представители двух линиджей (опять дуализм) — основного и связанного с ним по браку, который ввиду матрилинейности и матрилокальности гаро представлен в основном мужчинами. Конечно, на практике положение сложнее, и родовой состав общины может включать и членов других махари. К тому же при преобладающей матрилокальности всегда имеется некоторый процент патри(вири)локальных браков.

Дуализм структуры гаро наиболее отчетливо проявляется в отмеченной связи двух основных линиджей (местного и главного пришлого), которая переходит от поколения к поколению и осуществляется на базе симметричного кросскузенного брака. Эта форма брака, поистине уникальная, известна как «система *нокром*». Ее суть состоит в том, что в каждой семье наследница (обычно это младшая дочь) должна выйти замуж за представителя того же махари, к которому принадлежит ее отец (предпочтительно за сына сестры отца). Наследница — *нокна*, ее муж — *нокром*, отсюда название всей системы. Эта постоянная связь двух линиджей, составляющая основу дуальной системы, поддерживается имущественными интересами, ибо семейное имущество, переходя от матери к дочери, остается в их махари, а за линиджем отца таким образом закрепляется право распоряжения этим имуществом. Нокром переходит жить в дом жены (это и дом его дяди) и фактически становится полноправным совладельцем всего нажитого. Своеобразная ситуация складывается, если умирает отец жены (нокны). Тогда нокром должен жениться на теще — вдове своего дяди, владелице имущества. Тем самым закрепляются права нокрома (а следовательно, и его линиджа) на него. Нокром, таким образом, становится мужем матери и дочери, что обеспечивает сохранение имущественных интересов обеих линиджей. Эта связь двух линиджей имеет точку пересечения в семье — нок, которой принадлежит очень важное место в дуальной системе гаро.

Система нокром обязательна только для семьи наследницы, другие дочери могут брать мужей не только из линиджа отца. Такая семья покидает дом матери и основывает неолокальное поселение в той же деревне, становясь отправной точкой для новых дуальных линий.

Говоря о гаро, нельзя не упомянуть об особенностях их сватовства. Когда состоится выбор жениха для наследницы (в семье ее тетки по отцу может быть не один претендент), имеет место ловля жениха. Жениха (напомним: он из другой деревни) приводят к невесте молодые люди из мужского дома ее деревни. Юноша пытается бежать — так велит обычай, его поимка выглядит как увлекательная игра-охота. Так повторяется трижды, после чего новый побег рассматривается как его формальный отказ от брака. Бывают забавные казусы: юноша подает местным властям жалобу на то, что в третий раз его не стали ловить. А он только соблюдал обычай! Своеобразно претворяется этот обычай у христиан гаро. Здесь нет мужских домов и дружных групп юношей, всегда готовых участвовать в любых игровых обрядах. Но зато молодые владеют грамотой. И девушка пишет своему избраннику любов-

ное письмо, на которое он отвечает вежливым отказом. И это тоже повторяется до трех раз, после чего юноша отправляет свое радостное согласие...

Ближайшие соседи гаро, жители того же штата Мегхалая, — кхаси. Они очень отличны от тоже матрилинейных тибето-бирманцев гаро! И не только по языку и происхождению (напомним, что кхаси — единственные монкхмеры в Индии). Если другие племена региона — нага, гаро, мизо и др. — еще в середине XX в. находились на племенной стадии (правда, с ощутимой эволюцией социального строя), то кхаси уже в то время по уровню культурного развития были ближе к ассамцам и бенгальцам, чем к своим племенным соседям. Кхаси — земледельцы, издавна практиковавшие джхум, но с давними традициями поливного (террасного) хозяйства. Весь мир кхаси иной, более суровый, вместо теплых, часто болотистых джунглей — крутые каменистые склоны, безлесные плато, и народ, находящийся под влиянием этих природных условий. Кроме обычного риса, к числу культур кхаси относятся картофель, апельсины, бетель, которые превратились в важные товарные культуры. Дома у кхаси тоже другие — это невысокие, часто наземные постройки, видное место в строительной технике кхаси занимает камень. Своеобразный вид стране кхаси придают многочисленные каменные монолиты, почитаемые священными, — группы из нечетного числа таких камней можно встретить повсюду в горах Кхаси. Мегалитический характер культуры кхаси бросается в глаза с первого знакомства с их землей.

Какова же матрилинейная система кхаси? Рассмотрение ее даже в самых общих чертах свидетельствует о несостоятельности распространенной теории о переносе их системы (как присущей монкхмерам) на гаро. Прежде всего у кхаси отсутствуют признаки дуализма, который составляет основу организации гаро. Матрилинейный род кхаси носит название кур, он имеет общую усыпальницу, где после кремации хранятся кости умерших сородичей. Как и махари у гаро, кур представляет собой разросшуюся и рассредоточенную социальную группу, поэтому все его члены не могут быть связаны реальными отношениями взаимопомощи или солидарности. Действующей организацией является *кпox* — группа потомков одной прабабки по материнской линии. У кхаси нет линиджей того типа, который был отмечен у гаро. В каждой деревне можно найти некоторое число сегментов различных куров, а каждый сегмент включает несколько кпoxов. Но главным общественным коллективом всегда остается деревенская община. Многие домохозяйства в ней связаны родственными и свойственными узами, что ведет к сплочению об-

щинной организации. В отличие от гаро, где деревня преимущественно экзогамна, у кхаси наблюдаются отчетливые тенденции к деревенской эндогамии.

У кхаси сильнее, чем у других племен региона, получила выражение имущественная дифференциация, в куплю-продажу была вовлечена даже родовая земля, большая часть земли оказалась в руках отдельных семей. Общинной собственности на пахотную землю фактически нет — земля может быть продана, сдана в аренду и т.д. Сначала все эти операции совершались лишь в пределах общины. С развитием семейного землевладения земля все шире стала вовлекаться в товарный оборот. Уже с середины XX в. наряду с традиционными группировками стали возникать многочисленные новые внутриобщинные структуры: молодежные, трудовые, женские и др. Клубы выступают как своего рода преемники функций молодежных домов и немало содействуют эмансипации молодежи, приучают ее к новому быту, новой культуре.

Необходимо сказать несколько слов об особенностях домохозяйств у кхаси. Традиционной формой, практически уже отошедшей в прошлое, является *инг*, который одновременно выступает как низшая единица родового деления, то есть оказывается не семейной, а кровнородственной ячейкой (что при характеристике домохозяйства встречается нечасто). Инг — это узкая генеалогическая группа, включающая два-три поколения потомков одной прабабки. Подчеркнем: инг не семья, а кровнородственная матрилинейная группа, в которую не входят мужья. Наряду с ними у кхаси имеются и другие типы домохозяйств, в состав которых входят и мужья, при этом они — дает себя знать матрилинейная основа общества — часто отлучаются в свой родной инг и даже могут оставаться там на ночь. Наконец, третий тип — обычная малая семья: муж, жена и несовершеннолетние дети, — тип, получающий все большее распространение.

Также у кхаси наблюдаются существенные различия в положении дочерей-наследниц и их сестер после брака. Для мужа наследницы, если он переходит в дом жены, наступает нелегкая жизнь, он находится под жестким контролем инга жены, обычно в лице ее брата или отца — дяди по матери для молодого мужа. Положение его не облегчается, как у гаро, родственными связями с тестем: у кхаси кросскузенный брак, брак с дочерью брата матери, запрещен при жизни дяди. Точно так же брак с дочерью сестры отца не допускается, пока жив отец. Поэтому свой инг для мужчины остается ближе и роднее, чем дом жены, — здесь он выступает как уважаемый дядя по матери для своих племянников — детей сестры, больший авторитет, чем род-

ной отец. Конечно, по мере модернизации общества, которое у кхаси всегда происходило достаточно активно, положение меняется, связь между мужем и женой с детьми становится все прочнее, укрепляется малая семья. Однако при всех изменениях в культуре и экономике, при большой мобильности населения (многие кхаси — и девушки, и юноши — получают образование за пределами родных гор и занимают достаточно видные посты как в Индии, так и за ее пределами) матрилинейные основы общества можно проследить даже в деревнях, наиболее затронутых переменами.

И еще несколько слов о религии кхаси. Практически уже в середине XX столетия половина кхаси была христианизирована, постепенно эта религия охватила все население. Это в немалой степени способствовало успехам кхаси в области культуры (высокий уровень грамотности, развитие образования и литературы и пр.). Священное Писание воспринимается кхаси как часть своей, традиционной религии. Важно отметить: именно кхаси (и только кхаси) смогли интегрировать христианство, радикально не изменяя и не уничтожая своей культурной идентичности. Продолжает жить не только матрилинейная структура, строгие законы родовой экзогамии, сохраняются и собственные верования кхаси, которые часто воспринимаются просто как народные легенды. Популярной фигурой в фольклоре является жаба-великан — злобный повелитель жаб, который постоянно пытается проглотить нежную богиню солнца, вызывая тем самым солнечные затмения. В некоторых отдаленных горных деревнях еще сохраняется древний культ священной змеи У Тхлен — кровожадного змея-людоеда, при этом почитатели божества, как считалось, должны были сами стать охотниками за людьми. Тем самым они отделяли себя от других людей, которым внушали страх. Еще в середине XX в. в официальной печати можно было встретить описание случаев человеческих жертвоприношений этому страшному божеству. И это происходит у кхаси, на языке которых издаются книги и журналы, в центре которых — Шиллонге — открыт университет, где постоянно увеличивается прослойка местной интеллигенции. Такова действительность многих современных индийских адиваси.

Матрилинейные основы общества кхаси проявляются в видной роли, которую играют женские божества и женское начало в целом, а также в их религиозной практике. Главным лицом здесь является Сиём сад, верховная жрица, которую считают самым сильным шаманом Северо-Восточной Индии. Она живет в последнем сохранившемся «женском доме» Мегхалаи, именно к ней обращаются по поводу важнейших вопросов, таких, как определение дат главных церемоний и ритуалов, на-

значение на важнейшие политические посты, в прошлом — по вопросам войны и мира, а также и по личным делам.

Нельзя не выразить удивления, насколько незначительно в целом влияние индуизма — религии окружающего равнинного (ассамского и бенгальского) населения. Это касается не только кхаси, но и в целом горных народов Северо-Восточной Индии. Складывается своеобразная картина: приобщаясь к культуре (в первую очередь материальной) индуистского населения равнин, иногда даже перенимая их пищевые запреты, кхаси в основной массе становятся христианами (есть отдельные исключения). Интересный штрих, отражающий особенности психологии кхаси: они обращаются в новую религию (баптизм, иногда в учение Рамакришны) индивидуально. Нередко муж и жена принадлежат к разным религиям. Напротив, у гаро супруги всегда исповедуют одну веру. В то же время дядя по матери обычно принадлежит к той же религии, что и дети его сестры. Связи по иннгу оказываются решающими по сравнению со связями по браку.

Казалось бы, кхаси, культурное и политическое сознание которых давно подняло их на уровень развитых народов, не должны котируются как адиваси. Тем не менее они до сих пор входят в списки «зарегистрированных племен», наряду с андаманцами, ченчу, тода и др. Дело в том, что этим группам предоставляется ряд существенных преимуществ в области образования, здравоохранения, трудоустройства, что подкрепляется многочисленными программами развития. Все это, при едва ли не стопроцентной грамотности, способствует их успеху на пути дальнейшего развития.

Мизо — главное население племенного штата Мизорам, населяющее горные вершины Северо-Восточной Индии. До 1972 г. Мизорам был дистриктом Ассама, известным как горы Лушай. Территория очень изрезана, шесть или семь параллельных хребтов протянулись с севера на юг, долины рек отличаются жарким и влажным климатом. Термин «мизо» относится к ряду более крупных и мелких племен региона. Мизо — монголоиды. Родиной мизо является бирманское государство Шань. Два из племен — лушай и хмар — переселились в Индию и заняли горы Лушай. В 1891 г. район был оккупирован британцами и стал известен как дистрикт Лушай Британской Индии, позднее эта территория вошла в состав Индийского Союза, а в 1987 г. стала штатом Республики Индия.

Мизо включают ряд племен — лушай, лакхеры, хмар, павис, пайте и др. Язык мизо широко используется, наиболее популярен его лушейский вариант, хотя языком образования является английский. Очень

высок процент грамотного населения — свыше 88 % (2-е место после Кералы), что является заслугой христианских миссионеров, работавших здесь последние полтора столетия. Бывшие анимисты, мизо теперь в значительной мере христианизированы. Любопытно, что в последние десятилетия ряд племен из Мизорама, Ассама и Манипура стали идентифицировать себя как евреи. Несколько тысяч человек открыто считают себя приверженцами ортодоксального иудаизма.

Древняя история мизо, как и у большинства племен, во многом остается темной. По общему представлению они составляли часть великой миграции монголоидов из Китая и постепенно, через Бирму, достигли места своего современного проживания. Самые ранние мизо, мигрировавшие Индию, были известны как куки, следующая волна — новые куки, последними были мизо. В XVIII–XIX вв. в истории мизо было много всевозможных стычек и племенных выступлений против англичан. В фольклоре представлены любопытные варианты происхождения мизо. Самая популярная легенда гласит, что мизо появились из-под огромной скалы по названию Чхинлунг. При этом двое из появившихся людей, большие говоруны, стали так громко кричать, что подняли большой шум и тем самым возмутили их бога Патхиана, который посчитал, что появилось слишком много народу и закрыл проход в скале. Эта легенда, как и песни и рассказы о былой древней цивилизации, передается из поколения в поколение. Многие считают, что Чхинлунг — реальный город на границе Китая и Бирмы. В ходе своей истории тесно контактируя с бирманцами, мизо испытали на себе воздействие бирманской культуры — и материальной, и духовной. В XIX в. мизо подпали под влияние христианских миссионеров, которые обратили в свою веру большую часть мизо, отсюда — очень высокий уровень грамотности народа.

Главная социальная единица мизо — деревня, которая обычно расположена на вершине, в центре находится дом вождя, напротив него — мужской дом — заулбук. По вечерам юноши собирались в нем и вместе развлекались, после чего отправлялись общаться с девушками, а позже ночью возвращались для ночевки в заулбук. Именно мужской дом был центром воспитания молодежи, где вырабатывалось чувство ответственности. В этом же помещении останавливались приезжие гости и устраивались общедеревенские собрания. В каждом таком доме был свой глава, который осуществлял строгий контроль за присутствием всех юношей в заулбуке и распределял обязанности между его членами. Только вождь имел влияние на членов заулбука и мог утихомирить их в случае, если молодежь слишком расходилась. Мужской дом имелся не

у всех племен мизо. Наибольшего развития он достиг у лушаев и пави, у лакхеров он отсутствовал. Общепринятым этическим кодексом был труднопроизносимый тлавмнгайхна, который предписывал каждому быть добрым, гостеприимным и прежде всего помогать другим, даже жертвуя собой. Христианство во многом изменило моральные ценности, у христиан прекратил существование и мужской дом.

Особенностью социальной организации мизо была власть наследственных вождей. Сын вождя после вступления в брак основывал новую деревню, для заселения которой вождь предоставлял своему сыну несколько семей. Наследником деревни отца обычно становился младший сын. Вождь мизо, хотя и являлся деспотическим правителем, тем не менее должен был соблюдать принятые обычаи, иначе его подданные могли покинуть его и перейти в деревню другого вождя. По существу, общество выглядело как эгалитарное, и вождь считался одним из членов деревни. Правда, ему преподносили подарки, но они рассматривались как общая собственность, и все жители могли ими воспользоваться. В то же время вождь считался владельцем деревни и окружающей земли и мог всегда потребовать у своих односельчан, чтобы они снабдили его тем, что ему было нужно, например содержать его гостей. Каждый человек должен был отработать на вождя три дня в году. Люди добровольно помогали вождю в постройке дома, при сборе урожая. Именно добровольно, так как при недовольстве вождем их всегда с радостью принимал глава другой деревни.

При вожде была группа старейшин, которые решали разные деревенские проблемы. Судили тоже по старым правилам, за что старейшины получали небольшое вознаграждение — салам. Кроме старейшин, в деревне были и особые официальные лица, назначаемые вождем для выполнения особых задач, например деревенский глашатай, который оповещал жителей о распоряжениях вождя. В каждой деревне был кузнец, изготавливавший сельскохозяйственные орудия, за это ему полагалась небольшая плата. Был и жрец для умилостивления всевластных духов. Особое должностное лицо сообщало вождю, когда следует начинать расчистку джжума — подсечно-огневого поля. У лушеев существовала категория зависимых — бави, которые работали на вождя и помогали ему при любой необходимости в обмен на защиту, откупиться от своей зависимости они могли ценой митхана (могучего быка-гаяла) или другого рода платежа. Существует две категории обязательств: по отношению к вождю и по отношению к общине. Налоги и виды уплаты своему вождю были достаточно многочисленными, частично уплачивались натурой (доля с урожая, часть убитого при охоте животного, некоторое

количество добытого меда и др.). Не менее многочисленными были и обязательства общинников — сборы и поставка свиней на праздники, по поводу приема гостей (древние традиции гостеприимства свято соблюдалось), обязательное участие в постройке дорог, организации снабжения общины водой и ряд других.

У лакхеров зафиксировано несколько десятков родов, однако так их можно называть лишь условно. Все роды располагаются на различных социальных уровнях и выглядят скорее как сословия. Высшими были царские кланы, которые поставляли вождей, за ними следовали аристократические кланы, из которых вожди выбирали своих советников, самые низкие — простой народ (мачи). Роды здесь выступают в двух ипостасях: как кровнородственные группы, регулирующие брачные отношения и экзогамные по своей сути, и как социальные группы, утратившие свои экзогамные функции и нередко становившиеся эндогамными. Трансформация родов в сословные группы происходила в основном в непосредственном окружении вождя. У лусеев положение привилегированного сословия занял один род — род Сайло, который «поставлял» вождей во все общины. Таким образом, все вожди были связаны родственными узами. Браки между кланами не возбранялись, высокопоставленные люди предпочитали вступать в брак за пределами своей деревни, тем самым распространяя свое влияние. Молодые люди стремились выбрать невесту выше по положению. Обычно молодые люди сами начинали любовные игры, вместе работали на поле, не расставались днем, а ночью юноша приходил в дом невесты. Дальнейшие брачные переговоры вели родители, инициатива обычно исходила от отца жениха. Начинался обмен дарами (первый дар родителям невесты — большой нож дао), обсуждение размеров брачной платы за невесту. В это время отец невесты обращал особое внимание на свои сны, если они оказывались неблагоприятными (убитые тигром животные, мертвые змеи и пр.), то предложение не принималось.

Когда переговоры заканчивались успешно, назначался день свадьбы и забивалось множество свиней для угощения. Само событие происходило в доме жениха, когда молодые вместе пили пиво из одного сосуда, а гости пели песни и щедро угощались.

На другой день девушка возвращалась в родительский дом, потом снова приходила к жениху, и только на четвертый день молодые окончательно соединялись. Вдова могла выйти замуж сразу после смерти мужа, чаще всего за одного из его братьев, но не воспрещался брак вне ее родни. Развод был очень простым и мог совершаться по инициативе как мужа, так и жены. При этом брачная плата поступала тому, кто был

виновником развода. Система наследования у лакхеров была патрилинейной. Старший сын наследовал имущество отца, обычно он делился с младшим братом. Средние сыновья, дочери и вдова не получали ничего. Если в семье не было сыновей, наследовали братья отца — старший или младший, при отсутствии братьев — кузены. Если вдова выходила замуж не за братьев мужа, все имущество и забота о маленьких детях принадлежали брату усопшего.

У лакхеров существовал разработанный похоронный ритуал. Они считают, что когда боги сердятся на человека, то забирают его душу. Когда больной находится при смерти, он лежит в окружении всех своих родных, которые в последний момент поднимают его в сидячее положение и держат в своих объятиях до кончины. Душа отлетает в загробный мир, где сохраняет земной статус. В этом мире есть разные места — для успешных охотников, простых людей, погибших насильственной смертью. У головы умершего ставят полку с рисом и яйцами, родные и друзья подносят семье усопшего пиво, в жертву приносятся митханы и свиньи. Немного пищи кладут в рот умершего, а присутствующие под звуки барабанов и гонгов начинают танцы — усопший должен радостно отойти в мир иной. Могилу роют напротив дома, куда помещают тело через три дня после смерти. Жрец совершает нужные ритуалы, вновь приносятся жертвы. На могилу втыкают шесты с головами жертвенных животных, через несколько дней воздвигают памятный камень. Вождей хоронят более торжественно, в особом склепе. После смерти вождя вся деревня некоторое время соблюдает траур, умершему каждый день готовят пищу, которую помещают у очага. Специфический обычай лакхеров — налог на собственность «ру». Его платит сын-наследник, тот, кто его получает, должен заколоть свинью. В каждом клане существуют свои особенности этого обычая.

В Мизорам отмечают три главных годовых праздника (праздник — «кут»). Все они связаны с сельскохозяйственной деятельностью и сопровождаются пирами и танцами. Первый — чапчар кут — празднуют после расчистки леса под поле. После тяжелого труда — срезать густой лес приходится простыми ножами дао — земледельцы в течение недели предаются отдыху, угощению, танцам. В праздник мим кут поминают тех, кто умер в предыдущем году. Паул кут — праздник урожая. Существует связанная с паул кут легенда: в старые времена, когда мизо жили еще на востоке, в бирманских горах наступил великий голод, который длился три года, и только на четвертый год собрали богатейший урожай. Мизо верят, что это бог благословил их предков и в знак благодарности каждый год отмечают этот праздник.

Очень популярны у лакхеров, лусеев и других племен танцы, обязательные при каждом празднике и обряде. Особенно популярен у мизо «бамбуковый» танец: шесть девушек в праздничных одеждах и цветочных коронах, сидя на корточках, держат бамбуковые шесты, которые ритмично поднимают и ударяют один о другой. Шесть других девушек танцуют среди перекрещивающихся под прямым углом шестов. Этот быстрый танец символизирует Вселенную и скрепляет узы между членами общины. Популярен также танец с шалами под звуки барабанов и гонгов. Имеются танцы воинов, танцы в знак траура по умершим и многие другие. Песни у мизо неторопливые и часто печальные, исполняются под аккомпанемент ударных. В последние годы молодые мизо заимствуют западные ритмы и танцы под испанскую гитару.

Развито искусство ткачих-мизо, традиционные узоры украшают одежду этого народа. Многие из тканых орнаментов восходят к глубокой древности, при этом каждая женщина-мастерица воплощает в рисунке ткани свои мечты, которые иногда выражаются в целом тканом рассказе. Женщины окутывают тело полотнищем часто темно-бордового цвета, для набедренных повязок мужчин характерны полосы — белые и черно-красные. Очень живописны праздничные головные уборы женщин — туго облегающие лоб повязки, над которыми на длинных стеблях колышутся красные цветы.

Хотя, как уже говорилось, подавляющее большинство мизо — христиане, у них сохраняются многие представления и сказания, пришедшие из глубокой древности. Так, они ощущают свою близость с животным миром, о чем свидетельствуют многие рассказы. Приведем один из популярных рассказов. Однажды несколько небесных дев (фей) спустились на землю, чтобы искупаться в озере. Их заметил юноша мизо, который направлялся на очередной праздник кут. Он спрятался за дубом и наблюдал, как небесные создания сняли свои легкие одежды и вошли в воду. Юноша спрятал одежду одной из фей, и когда та появилась, то обратилась к юноше с просьбой вернуть покрывало, пообещав за это снабжать его каждый день богатой дичью — оленями. Но он не должен был убивать беломордых оленей — на них она ездила сама. Юноша принял эти условия, и с тех пор он мог убивать чуть ли не по сотне оленей в день. Сначала он снискал всеобщее уважение, но затем ему стали завидовать. К тому же ему самому было неприятно убивать такое количество невинных животных. Услышав, что юноша устал от божественного дара, небесная красавица освободила его от него, и он стал обычным охотником. Так охотник устал от своего успеха. Убивать больше, чем требует жизнь, — грех, животные, как и люди, заслуживают сострадания...

Мы уже отмечали, что индийские племена принадлежат к разным расовым типам, при этом именно лесные обитатели сохраняют наиболее архаичные черты соответствующего антропологического типа. Как и наиболее типичные монголоиды — представители южномонголоидной малой расы — населяют горные массивы Северо-Восточной Индии — горы центрального Ассама, горные хребты на границе с соседней Бирмой, южные склоны Гималаев. Предки этих народов появились на территории Индии примерно в конце II тыс. до н. э., причем уже на этом этапе развития они были земледельцами — практиковали ручное, мотыжное земледелие. Уже говорилось о том, что в силу напряженных политических условий в период после раздела Индии английскими колонизаторами в послевоенный период произошли серьезные административные изменения в рамках до этого единого штата: возникли целый ряд ранее неизвестных в Индии племенных штатов (Нагаленд, Мегхалая, Манипур, Трипура) и несколько союзных территорий. Все это свидетельствует о самостоятельности и внутренней энергии горных народов, которые, по сравнению с ранее описанными южными племенами, оказались более развитыми по уровню хозяйственного развития и по степени этнического самосознания. Укреплению их позиций (эти племена не уходят из жизни, а достаточно активно вовлекаются в генеральный путь развития) способствовало несколько обстоятельств, из которых нам хотелось бы отметить широкую христианизацию, обеспечивавшую народам грамотность и возможность продолжать свое образование, а значит, и претендовать на место «под солнцем». Другое немаловажное обстоятельство — наличие у этих народов своей земли, что спасало их от пауперизации (даже принимая во внимание то обстоятельство, что часть земель могла забираться под чайные плантации, местными заминдарами и пр.) и давало им перспективу собственного экономического прогресса (переход от мотыжного к плужному земледелию и пр.).

Самая многочисленная группа племенного населения сосредоточена в горах Центральной Индии. Это территория ряда штатов — северо-восточная часть Махараштры, восточные округа Мадхья-Прадеш, Южный Бихар, горная Орисса, часть Западного Бенгала. Географически это значительная часть Центрального индийского нагорья, горы Виндхья, на западе — равнина Чаттисгарх, со всех сторон окруженная возвышенностями, на северо-востоке — обширное плато Чхотанагпур. Большинство малых народов региона относится к двум языковым семьям — австроазиатской (группа мунда) и дравидийской. Основная этническая

территория австроазиатов в наше время — Индокитайский полуостров, к этой семье относятся вьеты — основное население Вьетнама — и кхмеры Камбоджи. Группа мунда данной семьи встречается только в Индии (их ввели в состав австроазиатов лишь в конце XX в.), однако, возможно, именно предки австроазиатов составляли древнейшее население северной Индии, во всяком случае ее восточной части. В целом следует отметить, что происхождение, этническая история и даже исходная языковая принадлежность ведущих народов Центральной Индии во многом остаются спорными проблемами, и предложенные многими исследователями теории в большинстве случаев еще ждут своего подтверждения.